

ВОСПОМИНАНИЯ БРИТАНСКОГО ТАНКИСТА ПИТЕРА УИЛЛЕТА

3-Я ЧАСТЬ – НА ИТАЛЬЯНСКОМ ФРОНТЕ

КОНЕЦ 1944-ГО – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1945-ГО ГОДА

Перед читателем третья часть воспоминаний Питера Уиллета (Peter Willet, 1919-2015, на фото слева) из 2-го Полка Гвардейских Драгун/2nd Dragoon Guards, также известного как Гнедые Королевы/Queen's Bays. Эта часть посвящена боям на Итальянском фронте в 1944-1945 годах.

Высадившись в Неаполе, мы прошли маршем в транзитный лагерь, расположенный в окрестностях города Атрагола/Atragola. Союзные войска быстро продвигались на север и были уже более чем в 100 милях от нас. До освобождения Рима осталось всего несколько дней. В Неаполь продукты никто не поставлял, и орды голодных женщин и детей роились вокруг мусорных баков на окраинах

лагеря. Они были одеты в тряпье, дрались друг с другом, ругались, кричали и заталкивали в рот любой попавшийся им кусок выброшенной на помойку пищи, который попадал им в руки. Стоявшим в карауле приходилось отгонять их от лагерной продуктовой лавки круглые сутки. Было грустно видеть человеческие существа, которых голод лишил всякого достоинства и самоуважения. Наступило облегчение, когда через шесть дней нас переместили в город Матера/Matera, расположенный в 25 милях и от Бари/Bari, и от Таранто/Taranto.

Я бы не сказал, что Матера была раем. Она была живописно расположена над обрывистым склоном оврага, и на нее открывался вид из нашего лагеря, расположенного за пределами города. Какая-либо инфраструктура в городе отсутствовала. Не работала канализация, мусор никто не убирал, и всевозможные отбросы просто скидывали в овраг. Многие люди жили в пещерах, и весь город, начиная с собора, стоявшего на вершине холма, и заканчивая ветхими домишками в нижней части склонов, выглядел так, словно он был готов свалиться в овраг в любой момент. Казалось, на узких улицах почти отсутствует жизнь: иногда проходили группы визгливых детишек, которых сопровождал священнослужитель в беретике. В наши дни Матера трансформировалась в притягательный туристический центр и город, отнесенный к мировому наследию, но в 1944-м он в нем царили лишения и нищета...

После короткого стояния в Матере полк переместился на 10 миль к северо-западу в район, где располагались города Гравина/Gravina и Атамур/Atamura, туда, где местность с волнистым рельефом давала пространство для отработки взаимодействия пехоты и танков, что было тактической необходимостью в стране гор и быстрых рек, там, где широкие охваты с флангов и самостоятельные действия бронетехники, как это было в пустыне, стали невозможными. В ходе нескольких учений, имевших место под Гравиной, три эскадрона по очереди работали вместе с пехотой, меняясь с ней ролями, но мое участие в этом оборвалось, когда я заразился легочной инфекцией. Одним утром, когда Эскадрон А должен был стать пехотой и атаковать какую-то высоту, я почувствовал, что задыхаюсь, и к тому моменту, когда я добрался до вершины холма, дышать стало уже больно. Я едва сумел добраться до столовой, и, когда я оказался там, у меня поднялась температура, и я просто свалился на койку. Полковой врач, Стив Конвэй (Steve Conway),

был всегда на высоте, оказывая первую помощь людям, пострадавшим в бою, исключительно храбрым, всегда находившимся сразу за передовой, но его медицинские знания носили ограниченный характер. Он не смог определить, что со мной не так, и он отправил меня в армейский госпиталь в Бари с запиской: «Недиагностированная лихорадка.» Но, когда я добрался до госпиталя через несколько часов, температура у меня чудесным образом упала, и я задышал нормально. Врач, осмотревший меня, был изумлен. «Ну, - сказал он, - ты столько проехал, так что будет лучше, если ты проведешь ночь здесь, в комфортных условиях, а утром отправим тебя обратно...»

После Бари меня отправили на спецзадание – охранять полк фальшивых танков - танков-макетов, деревянный каркас которых был обтянут материей, придававшей ему форму *Шермана/Sherman*. Они стояли на низких, поросших кустарником холмах в 40 милях от побережья. Я взял с собой 20 человек из состава *Гнедых*, ко мне присоединился Кеннет Хедли (Kenneth Headley) с таким же количеством людей из другого полка – 4-го Гусарского. Нашей задачей была охрана этой *парковки* кольцом часовых, не позволяющих никому подходить к ним слишком близко и не давать никому разглядеть, что это макеты, что могло быть передано немцам. Обязанности наши были легкими. Дважды в день, утром и вечером, мы обходили *парковку* по периметру чтобы убедиться в том, что все часовые на месте и не заснули на посту, еще мы отвечали за питание людей. В остальном весь день принадлежал нам.

Нам очень повезло. Мы набрали на хорошо снабженный склад *NAAFI (Navy, Army and Air Force Institutes - компания, созданная британским правительством 9 декабря 1920 года для управления рекреационными учреждениями, в которых нуждались вооруженные силы Великобритании, и для продажи товаров военнослужащим и их семьям – ВК)*, услугами которого, по-видимому, пользовалось лишь небольшое число людей в этих местах, поэтому он щедро пре нас предоставлял нам пиво, шоколад и сигареты, что держало нас в отличном расположении духа. Еще у них был ящик хереса, и мы с Кеннетом купили у них несколько бутылок.

Кеннет был самым забавным малым на свете. Он любил всех передразнивать и использовал свой талант, измываясь над несколькими полковыми товарищами. Это был начитанный парень и бэтсмэн-[крикетист] с отличным ударом слева. Он регулярно решал кроссворды в газете *The Times* и хорошо играл в бридж. Его слабым местом было то, что он был азартным игроком – после войны он стал регулярно посещать ипподромы, какое-то время ему сопутствовала удача, но потом эта полоса подошла к концу, и он сильно и унижительно проигрался к большому огорчению своего серьезно настроенного отца, видного гинеколога, который считал скачки изобретением дьявола и с отвращением относился ко всем разновидностям игорного бизнеса. Но, по счастью для Кеннета, на юго-востоке Италии в начале осени 1944 года делать ставки было не на что...

После того, как мы провели две недели в карауле рядом с танковыми макетами, стратегические планы [командования] изменились. Вместо атаки вдоль дороги, ведущей от Флоренции до Болоньи через центральные Апеннины, 8-я Армия теперь должна была наносить основной удар по *Готской Линии* в узком секторе предгорной равнины Адриатического побережья, там, где фальшивые танки должны были сбить врага с толку. Хотя равнина была осложнена многочисленными гривами и расчленена стекающими с гор реками, она определенно предоставляла бóльшие возможности для использования танков, чем осевая часть хребта. Вероятно, немцы интерпретировали наличие здесь фальшивых танков как незначительный двойной блеф. Так или иначе, Кеннет и я больше были не нужны для охраны этих макетов, и нас вернули в полки.

В следующие несколько недель мы продвигались шаг за шагом вдоль побережья Адриатики, постепенно приближаясь к *Готской Линии* - важному оборонительному рубежу

немцев, протягивающемуся от Римини/Rimini, порта и морского курорта у Адриатического моря, через Апеннины до Специи/La Spezia на Средиземноморском побережье...

Тот август мы провели между приказами и контрприказами при отсутствии порядка, связанным с необходимостью подчиняться постоянно меняющимся требованиям стратегического плана. В один из вечеров в конце месяца ко мне обратился сержант Тэйлор (Taylor). Он сказал: «Должен сказать вам, сэр: танковые экипажи будут недовольны тем, что в бой придется идти под командованием майора Дэнса (Dance).» Это прозвучало совершенно неожиданно и потрясло меня. Самые шальные мысли забегали у меня в голове. Было ли бунтом это проявление нежелания идти в бой под началом назначенного сверху командира? И, если так, как я должен на это реагировать? Но уже через несколько секунд я понял, что мысль о бунте была чепухой. Джинджер Тэйлор был кадровым бойцом высшей пробы, старшим сержантом эскадрона, очень эффективным служакой, обаятельным товарищем, верным долгу и, что наиболее важно, очень и очень храбрым воином. Я помыслить не мог о том, что он пошел бы на это, не будучи полностью уверенным в своей правоте и не имея поддержки танкистов.

Более того, я знал, что он прав. Джимми Дэнс принял на себя командование эскадрона, когда Джекки (*Jackie Harman, 1920-2009, бывший командир эскадрона, позднее, в 1978-1981 годах – заместитель командующего Союзными Силами в Европе, слева на фото, сделанном в 1960 году - ВК*) в феврале отбыл домой, и в последовавшие за этим месяцы мы видели частые свидетельства некомпетентности первого и его склонности к получению удовольствий, а не к выполнению своих обязанностей. Такие мысли приходили ко мне в голову за две ночи до этого, когда он, вернувшись из полковой группы управления, попытался отдать командирам экипажей приказы, касающиеся следующей стадии продвижения вперед. Мы

собрались в полукруг в темноте, и Джимми, запинаясь, произнес что-то невпопад и так и не смог донести до нас суть дела. Это было явное свидетельство того, что он был неадекватен в роли офицера. Услышав сказанное Тэйлором, я почувствовал стыд от того, что ничего не сделал в этой связи, что посмеялся в душе тогда, когда должен был возмутиться. Мне нужно было время подумать, время на то, чтобы найти выход из этой дилеммы. Так что я не стал торопиться, сказал Тэйлору, что понял его и что он должен дать мне время на то, чтобы обдумать следующий шаг. Он принял это, и ушел к своему танку. Жизненно важный вопрос, на который нужно было найти ответ, заключался в следующем: если свержение командира необходимо и Джимми нужно сместить, кто придет ему на смену, когда остается всего день или два, или около того до того момента, когда мы пойдем в бой? Первым, кто формально подходил, был Том Толлер (Tom Toller), номинально имевшийся замкомандира эскадрона, но Тома нельзя было рассматривать как вероятного лидера в бою. Он был парнем, который всем нравился, но его слабым местом была привычка все время влюбляться. Где бы мы ни оказывались и сколь неподходящими бы ни были обстоятельства, Том находил женскую особь, которой полностью отдавал свое сердце. Его взор туманился, и его больше ничего не интересовало, кроме следующего свидания с возлюбленной. Как только мы уходили в другое место, это заклятие спадало с него, его взор прояснялся, и он начинал проявлять интерес к происходящему вокруг и мог говорить о многих предметах. Потом, в одно утро, ты замечал, что его взор снова затуманен: Том снова был влюблен. Парни обожали его благодаря полному отсутствию у него чванства и манерности. Они пошли бы за ним в огонь и в воду, но сам он не имел ни малейшего понятия о том, куда идти. Джинджер Тэйлор хорошо знал его, и важным было то, что он пришел ко мне, ко второму человеку в звании капитана в эскадроне. Я все еще продолжал мучительно размышлять об этой проблеме, когда пришла новость о том, что Джекки вернулся в полк, отслужив какое-то время инструктором в [Сандхерсте](#) (Королевская

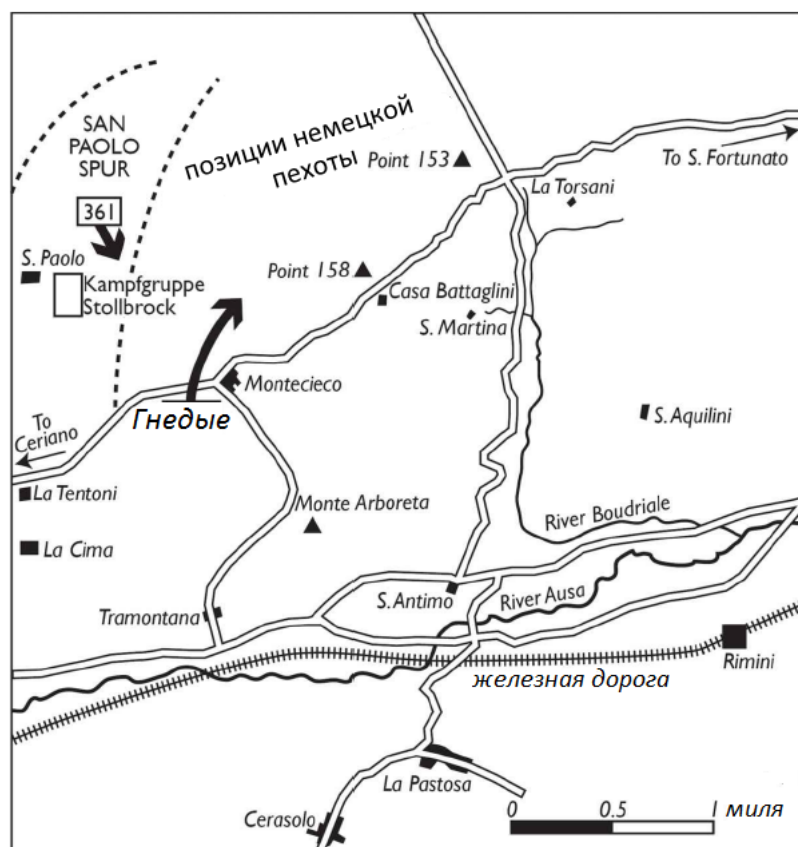
Военная Академия – ВК) и командиром эскадрона в 24-м Уланском (Lancers) Полку в первые недели [кампании в Нормандии](#). С невероятным чувством облегчения я поспешил в полковой штаб, где нашел его и объяснил ему, что произошло. Он сразу уяснил суть ситуации и пошел к комполка, Дэниэлу Эсквиту (Daniel Asquith.) Через час все было утрясено: Джекки был возвращен на должность командира эскадрона, а Джимми, у которого были небольшие проблемы с кишечником, был на пути в Рим с приказом не возвращаться, пока не восстановится полностью его здоровье. Мы больше ни разу его не видели до конца войны. С моих плеч свалился тяжелый груз...

Джекки доверяли все. У него была подходящая родословная: он был единственным сыном генерал-лейтенанта, сэра Вентурта Хармэна (Wentworth Harman), который ранее командовал этим полком. Джекки унаследовал от отца инстинкт армейского командира, который был и у погибшего Джонни Тэйтэма-Уортера. Мне повезло: оба они командовали мною в бою. Однако в его характере были определенные аномалии. Он был лучшим бегуном в свое время в [Веллингтонском Колледже](#) и, будучи крайним трехчетвертным на регбийном поле, он мог обогнать любого, кто ему противостоял, и занести попытку. Но, если кто-то пытался свалить его, он останавливался и не пытался прорываться дальше к зачетной зоне, поэтому считали, что он трусоват. Его поведение на регбийном поле не предвещало ничего хорошего в его поведении на войне, однако, как ни удивительно, на поле боя он не прятался от опасности и был так же храбр, как и любой другой... Он не был лишен жестокости и был немного склонен травить других. Он постоянно цеплялся к Крису Паркеру (Chris Parker), одному из офицеров Эскадрона А. «Ты – это не более, чем долбаная маленькая девочка,» - мог он выкрикнуть в адрес Криса в столовой. Крис был небольшого роста, темноволосым, спокойным и немного женственным в смысле манер. Он был интеллигентен, трудолюбив, он был офицером, который посвящал себя своим людям, и его любили и уважали. За храбрость, проявленную тогда, когда он командовал взводом разведки под Эль-Аламейн, он получил *Военный Крест/Military Cross*. Не было каких-либо мыслимых оправданий для наездов на него со стороны Джекки. Последний имел тенденцию к тому, чтобы искать в неудачах других источник удовольствия для себя.

Джекки принял под свою команду Эскадрон А как раз вовремя. Через два дня мы были на марше и шли на север по отвратительным разбитым дорогам, ослепленные и лишенные возможности нормально дышать клубами пыли, поднимаемыми гусеницами. Нас торопили и гнали вперед. Атака 8-й Армии на *Готскую Линию* началась 27 августа и быстро достигла прорыва на реке Фолья/Foglia, в устье которой находился город Пезаро/Pesaro. Верховное командование – [фельдмаршал Александер](#) (Harold Alexander), главнокомандующий союзными силами в Италии, Оливер Лиз (Oliver Leese, 1894-1978), командующей 8-й Армией, генерал Чарлз Кейтли (Charles Keightley), командующий 5-м Корпусом – все преисполнились энтузиазма. Они были убеждены в том, что немцы побежали и что остается только преследовать их всю дорогу до реки По через северную Италию и вплоть до Вены. Это оптимизм был ничем не обоснован. Немецкие позиции на реке Фолья и правда были сильнейшими для всей [Готской Линии](#), но само название *Линия* было неверным: это была, скорее, цепь укрепленных пунктов разной степени готовности, протягивающаяся в этом секторе на 20 миль в глубину от Пезаро до Римини. Когда [Кессельрингу](#) (Albert Kesselring), командующему немецкими силами в Италии, стало ясно, что наступление союзников сфокусировано на узком коридоре между Апеннинскими и Адриатическим морем, он нашел возможность усилить свои войска здесь за счет переброски сил с других участков фронта.

После нескольких изматывающих маршей *Гнедые* 4 сентября включились в боевые действия на реке Конка/Сонса, где столкновения шли уже девятый день. Река Конка и дорога, протягивающаяся вдоль нее, были довольно извилистыми. Конка стекала с гор на равнину, поворачивала направо под прямым углом, потом пару миль текла прямо, после чего поворачивала влево и устремлялась к морю, в которое впадала в районе города

Каттолика/Cattolica (примерно 10 миль к северо-западу от Пезаро – ВК). Мы форсировали ее в нижнем течении. Нам сообщили, что немцы беспорядочно отступают, и мы получили приказ немедленно вступить в бой без какой-либо паузы на отдых и техобслуживание танков. Передовые части нашей 46-й Пехотной Дивизии, как сообщалось, были уже на гряде впереди нас, и там должен был находиться стартовый рубеж для атаки. Максимальная скорость была важнейшим фактором. Времени на то, чтобы передать какую-либо информацию командирам экипажей, не было. Командиры эскадронов, которых проинструктировал полковник, должны были вести за собой своих людей к стартовому рубежу. Все поступавшие сообщения были переполнены ложной информацией. Патрули 46-й дивизии, если даже они когда-то и выходили к гряде Кориано/Coriano (а эти сведения, вероятно, было результатом неправильного чтения карт), были сброшены с нее, а немцы, которые вовсе не собирались драпать, занимали большими силами подготовленные позиции на гряде.

Атака Гнедых на высоту 153 20 сентября 1944 года

Полк начал продвижение к стартовому рубежу двумя эскадронами: Эскадрон С слева от дороги у реки, Эскадрон А справа, немного выше по рельефу. Пройдя примерно половину расстояния, Эскадрон С, которым командовал майор Хибберт по кличке Уоши (Washy Hibbert), попал под сильный противотанковый огонь с вершины расположенного на южном берегу реки холма, на котором стояла деревня Сан-Джеммано/San Gemmano, - этот холм господствовал над речной долиной. Зажатый между руслом реки с одной стороны и глубокой канавой с другой эскадрон не мог занять оборонительную позицию для ответного огня, и, когда один из танков был подбит и заблокировал обратный путь остальным, у танкистов не осталось других вариантов, кроме того, как продвигаться дальше к стартовому рубежу. То, что приключилось с ними потом, стало предметом рапорта замкомандира эскадрона Джона Маквэйла, написанного сразу после этого события:

Продвигаясь вперед, мы поливали из пулеметов все - изгороди, канавы, дома, стога сена, фактически, все, где мог бы скрываться враг, а выйдя к деревне, мы стали стрелять

фугасными снарядами по углам домов, в то время как наши пулеметчики вели огонь по дверям и нижнему ярусу окон. Командир эскадрона тем временем вел огонь из своего автомата по верхнему ярусу окон. Сначала эта тактика показала себя успешной, и, должно быть, шум и неразбериха напугали противника, так как несколько человек повыскакивали из канав и стрелковых ячеек и попытались бежать, однако многие попали под наш огонь.

Сразу к югу от Сан-Савино/S. Savino (небольшая деревня на гряде) произошло первое заметное событие, когда человек с базукой (вероятно, это был панцершрек – ВК) выпрыгнул из канавы позади танка майора Хибберта и попытался подбить его. Майор Хибберт застрелил его из своего пистолета. Севернее Сан-Савино мы проехали в нескольких футах мимо танка Pz.IV (в тексте Mark IV – ВК) с его 75-мм пушкой, нацеленной на дорогу. Мы проскочили так быстро, что никто так и не выстрелил по нам. Затем мы поняли, что отрезаны и находимся в отчаянном положении, и каждый раз, когда мы останавливались, чтобы спланировать дальнейшие действия, по нам открывали огонь со всех направлений, и нам приходилось продолжать движение. Со временем мы вышли к точке К.13 (каменному дорожному знаку, расположенному не доходя 3-х км до Кориано) в [деревне] Сан-Мария/San Maria, и, когда танк капитана Маквэйла завернул за угол и улеглась пыль, он натолкнулся на танк Pz.IV, откатывающийся задним ходом настолько быстро, насколько это было возможно. Оба танка остановились, между ними было 15 ярдов, их пушки были нацелены друг на друга. Танкисты Корбетт (Corbett) и Джампс (Jumps), заряжающий и наводчик, выпустили четыре снаряда до того, как немец смог ответить огнем. Pz.IV задымился, и один из членов его экипажа выскочил из машины. Он попытался бежать, но был убит пулеметным огнем. В этот момент в танк майора Хибберта попал снаряд, он был обездвижен, и его экипаж выбрался из машины. Теперь дорога была заблокирована в обоих направлениях. Танк капитана Маквэйла съехал с нее влево в сторону дома, за которым укрылись майор Хибберт и его экипаж, после чего они начали совещаться, [что делать дальше.]

Противник продолжал вести огонь со всех сторон, и не прошло много времени, когда снаряд попал во второй танк. Мы побежали в укрытие как раз тогда, когда открыла огонь наша артиллерия и когда, после прямого попадания, загорелся наш танк. Мы залегли, потом кто-то заметил блиндаж, и мы, один за другим, побежали к нему. Блиндаж оказался большим в размере и был построен с большой заботой. Он был врыт в крутой уступ, его кровля была укреплена [распорками]. Там были стул, подушка, полбутылки кьянти и еще четыре пустые бутылки, корзина и много соломы. Мы посоветовались и решили остаться в нем на ночь, надеясь на то, что наши займут деревню или той же ночью, или на следующее утро.

Этим надеждам не суждено было сбыться, и через 48 часов отряд из состава Эскадрона С, прихватив по дороге пятерых пленных немцев, сумел вернуться к своим.

Когда Эскадрон С попал под огонь со стороны деревни Сан-Джеммано, Эскадрон А получил приказ повернуть влево и поддержать его. Это был плохо продуманный маневр. Мы пересекали глубоко вспаханное поле, на котором несколько танков при повороте потеряли гусеницы, и мы уже не могли ничем помочь Эскадрону С. Когда мы развернулись, чтобы продолжить движение по прежнему курсу, было потеряно еще несколько гусениц, и тут мы попали под концентрированный огонь артиллерии с гребня гряды, что сделало дальнейшее продвижение невозможным. Так первый день нашего участия в итальянской кампании оказался совершенно неудачным.

Гряда Кориано была занята только через неделю, и, чтобы сделать это, потребовались усилия войск, эквивалентных по силам трем с половиной дивизиям. Сан-Савино, деревня, которую Эскадрон С объехал в первый день сражения, была занята двумя батальонами

гуркхов при поддержке эскадронов *В* и *С Гнедых*, прикрывавших их от возможной контратаки. Эскадрон *А* оставался в резерве и прямого участия в боях не принимал. Эта гряда была намечена как стартовый рубеж для наступления на бегущего в панике противника, а на самом деле ее удерживали три ударные и обстрелянные в боях немецкие дивизии: 26-я Танковая, 29-я Панцергренадерская и 1-я Парашютная. Разведка сработала хуже некуда.

Всю следующую неделю мы преследовали немцев, продвигаясь по сильно пересеченной местности, пока не вышли к достигающему 10 миль в ширину проходу между Римини и крошечной горной республикой Сан-Марино с населением 25 000 человек. Там река Ауза/Ausa протекала у подножия склонов, поднимавшихся к деревне [Сан]-Фортунато/San Fortunato, расположенной непосредственно на западной окраине Римини. К ней прилежала деревня Сан-Мартино/San Martino, расположенная на гряде Венти/Venti, - последнем элементе рельефа, где можно было разместить оборонительные позиции перед находившейся дальше на север широкой долиной реки Мареккья/Marecchia и Ломбардской равниной. Гряда проходила дальше на запад через деревню Чериано/Ceriano и протягивалась к горам Сан-Марино. 18 сентября *Гнедые* вышли к реке Ауза, но попали в глухую транспортную пробку. Единственный имевшийся в тех местах мост в городке Роверетта/Roveretta был взорван немцами, и альтернативный участок, - брод в районе города Бенефицио/Benefizio, по которому реку можно было форсировать, не справлялся с потоком машин, идущих на север. С этого момента и до конца сражения я не мог преодолеть клаустрофобию, которая возникала у меня, когда нескольким дивизиям приходилось бороться за место на узких дорогах, ограниченных глубокими канавами, из которых было невозможно вытащить сползший в них танк. К такой неразберихе добавлялись и артобстрелы... В то время как остальная часть полка застряла на южном берегу Аузы, Эскадрон *А* получил приказ продвигаться дальше, чтобы поддержать батальон мотопехоты полка Йоркширских Драгун/Yorkshire Dragoon, входивший во 2-ю Танковую Бригаду. Батальон атаковал высоту Монте Арборетта/Monte Arboretta – изолированный холм в миле от Сан-Мартино на гряде Венти, господствовавший на дорогой, ведущей от реки к гряде. *Драгуны* вступили в ожесточенный бой, взяли высоту Монте Арборетта, но были сбиты с нее немецкой контратакой. Они вновь заняли ее, но понесли тяжелые потери. Эскадрон обошелся без потерь, но израсходовал большую часть боеприпасов и сжег большую часть своего горючего, маневрируя в окрестностях высоты. Из-за сохранявшейся пробки в районе брода Бенефицио грузовики с необходимыми материалами не могли пробиться к нам, и это было то, что спасло нас в смертельно опасной ситуации 20 сентября.

В итоге, *Гнедые* переправились через реку во второй половине дня 19 сентября и начали продвижение в направлении деревни Монте Чеко/Monte Ciesco – группы домов со школой среди них, расположенной на гряде Венти. План действий 5-го Корпуса включал в себя атаку *Гнедых* на *Высоту 153* в тот же вечер, но задержка на переправе оказалась столь продолжительной, что Дэниэл Эсквит, наш комполка, решил, что уже поздно, и отложил атаку на утро. Полк встал лагерем к западу от дороги, где к нему вновь присоединился Эскадрон *А*. Утром 20 сентября события стали развиваться стремительно. Полк покинул лагерную стоянку до первых лучей солнца и выдвинулся на позицию в 100 ярдах к западу от дорожного перекрестка, у которого находилась деревня Монте Чеко. Танки встали на позицию на краю огромного, заросшего травой понижения в рельефе, над землей были видны только башни. Верхний (*западный – ВК*) край понижения находился в районе Чериано, и построек деревень Каса Чима/Casa Cima и Каса Тентони/Cas Tentoni. Когда рассвело, я увидел три или четыре наших танка *Черчилль/Churchill*, разбросанных по понижению. Люки их башен были закрыты, и рядом с ними не было никаких признаков жизни. Я предположил, что они или были подбиты, или оказались неисправными, но после полудня они неожиданно тронулись с места и ушли вниз в направлении Аузы. Цель их временного присутствия осталась неизвестной. *Высота 153*, которую предстояло

атаковать полку, находилась в одной миле к северо-востоку от Монте Чeko. Она господствовала над дорожным перекрестком, находившемся на гряде, и над расположенной ниже и дальше к северо-востоку местностью в районе Сан-Фортунато, - там позиции немцев атаковали канадцы. Пока полк перегруппировывался, он находился под огнем снайперов из дома, находившегося где-то близ Монте Чeko. С тыла, со стороны Чериано, немцы вели по нему ружейно-пулеметный огонь, стреляла и противотанковая артиллерия. Эсквир решил, что атака невозможна, пока не будет устранена угроза с тыла, и приказал Эскадрону В отправить туда танки, чтобы решить проблему. Два танка этого эскадрона были быстро выведены из строя, и машина сержанта Бёрли продолжила атаку в одиночку. То выскакивая из танка, то снова запрыгивая в него, Дон Бёрли (Don Burley) вел бой против немецких пехотинцев, пока не был ранен осколком гранаты. Потом он вернулся в свой эскадрон, чтобы принять участие в атаке на *Высоту 153*.

В 09.50 пришел приказ о начале атаке на *Высоту 153* в 10.15. Эсквир тщетно возражал против этого, говоря, что высоты в его тылу все еще удерживаются противником, что путь к цели простреливается противотанковыми пушками, расположенными севернее, что он

уже потерял несколько машин и что его резервный эскадрон остался почти без горючего и без боеприпасов. Бригадир Ричард Гудбоди (Richard Goodbody, 1903-1981, на фото слева) отвечал, что все это хорошо известно, но атака является важной составной частью плана боевых действий корпуса, нацеленных на ослабление давления на канадцев, и поэтому ее необходимо осуществить. Так эта самоубийственная атака силами эскадронов В и С была начата в назначенное время. Покинув свои позиции, на которых над землей просматривались только башни, танки

немедленно попали под шквал огня 75-мм самоходок и 88-миллиметровок Боевой Группы (Kampfgruppe) *Stollbrock*, занимавших позиции в районе усадьбы Сан Паоло/San Paolo и Пяно деи Венти/Piano dei Venti. Эта местность была почти лишена деревьев, и ничто не мешало артиллеристам вести прицельный огонь. Расстояние до немцев составляло около 600 ярдов, - для немцев то же самое, что стрелять в упор, и танки двух эскадронов начали выходить из строя один за другим без какой-либо надежды на ответный огонь. Капитан (вероятно, гауптман - ВК) Хризопель (Chrisophel) из роты самоходок немецкого 361-го Полка так описал то, что сумел сделать лейтенант Росслер (Rossler):

Увидев, что 27 Шерманов пошли в атаку, он взял инициативу на себя и решил выдвинуться вперед как можно дальше со своими тремя самоходками, после чего вывел из строя 13 танков в считанные минуты. Вдохновленные его примером гранатеры вступили в бой и уничтожили еще 9 машин.

Под прикрытием дымовой завесы три танка из Эскадрона В сумели вернуться в целости и сохранности на стартовый рубеж, но ни один танк Эскадрона С не вернулся из боя. Танкисты лишились какой-либо возможности получить помощь от поддерживающей нас артиллерии (из состава Полка *Honorable Artillery Company*), когда танк нашего офицера-артиллерийского наблюдателя Квентина Дрейджа (Quentin Drage) был подбит, а сам он был убит, когда сопровождал передовые танки Эскадрона С.

В это время я был на тыловой связи от Эскадрона А, - это означало, что моя рация была включена с настройкой на ту же частоту, что и рации заднего эшелона других эскадронов и рация комполка и что я был связующим звеном между ним и моим командиром эскадрона, Джекки Хармэном, рация которого была настроена на ту же частоту, что и рации остальных танков эскадрона. Очевидно, на Эсквита давили, чтобы он возобновил атаку силами Эскадрона А, потому что он вызвал меня и сказал: «У тебя хватит бензина на несколько миль?» Я ответил совершенно однозначно, что не хватит. Потом он сказал: «Недостаточно, чтобы сделать небольшой рывок галопом?» Я снова ответил: «Нет.» Думаю, я спас

эскадрон от самоубийственного шага. Потом наступил полдень. Вскоре после этого эскадрон 9-го Уланского под командованием Дерека Элхусена (Derek Alhusen) был переведен в подчинение *Гнедых* для еще одной атаки на *Высоту 153*. Их полковник, Джек Прайс (Jack Price), прибыл вместе с ними и, посоветовавшись с Эсквитом, переговорил с бригадиром, сказав тому, что 9-й Уланский готов к атаке и что каждый танкист готов исполнить свой солдатский долг, но британцы потеряют еще один танковый полк, если не будет принят другой план атаки. Бригадир Гудбоди взял на себя ответственность за приостановку атаки и приказал Прайсу просто закрепиться на достигнутом рубеже. После сражения он был снят с должности...

Панорамный снимок местности, по которой *Гнедые* пытались прорваться к *Высоте 153*

Изначальный план командующего 5-м Корпусом Кейтли страдал двумя фундаментальными изъянами. Во-первых, цель атаки не была видна со стартовой линии, потому что ее заслоняла *Высота 158* с ее фермерскими постройками. Во-вторых, она подразумевала продвижение вдоль удерживаемых противником сильных позиций, из-за чего танки попадали под огонь противотанковой артиллерии с близкого расстояния как с тыла, так и с левого фланга, - такой маневр просто не мог привести к успеху. Было ясно, что подходящим направлением

для атаки на *Высоту 153* было северное, от высоты *Монте Арборетта* в сторону Сан-Мартино, на северо-восток от *Высоты 158* и дальше вдоль идущей по гряде дороге к перекрестку, рядом с которым находилась *Высота 153*. К осуществлению этого плана приступили вечером того же дня, и это привело к тому, что немцы оставили свои позиции к югу от реки Мареккья в ту же ночь. Атака *Гнедых* в то утро была бесполезной и обошлась дорого...

Танк Дона Бёрли (на фото слева) был подбит, и он был ранен еще раз в той провальной атаке Эскадрона *В*, но выжил, укрывшись в низинке, пока противник вел сильный огонь. Излечившись от ран, он вернулся в строй и принял участие в боях поздней осенью 1944 года. Позднее за проявленную в сражениях храбрость он был награжден *Медалью за Отличие в Бое/Distinguished Conduct Medal*... Бёрли уволился из армии

в 1946 году и сделал удачную карьеру в бизнесе. Он дожил до 93 лет.

Позднее на том месте, откуда начиналась эта атака, был установлен памятник. Им стала простая белая плита в кирпичной раме. На ней были высечены имена павших, среди которых были имена награжденного *Военным Крестом* Криса Паркера – парня, которого Джекки Хармэн называл *долбаной маленькой девочкой*, и Джона Маквэйла.

Ветераны у памятника танкистам, погибшим 20 сентября 1944 года под Монте Чекко. Слева – Питер Уиллет, третий слева – Джекки Хармэн, четвертый – Даглас Маккэллэн. Ветераны нашли памятник в ухоженном состоянии: за ним присматривали учащиеся местной школы. Фото 1994 года

64 человека убитыми и ранеными всего за несколько минут – эти потери сделали 20 сентября 1944 года черным днем войны для *Королевских Гнедых*...

Вечером 20 сентября 1944 года, проведя большую часть дня в резерве, Эскадрон А снова спустился в долину реки Ауза вместе с остальными танкистами своего полка. Там мы узнали, что верховное командование, молча признав, что Италия с ее горами и сотнями бурных рек в целом не годится для тактического применения бронетанковых дивизий, и решило расформировать 1-ю Танковую Дивизию. Тем не менее, 2-я Танковая Бригада, состоявшая из *Гнедых*, 9-го Уланского Полка и 10-го Гусарского Полка, стрелкового батальона и 11-го Артиллерийского Полка, останется отдельным формированием, единственным назначением которого будет поддержка пехоты. Джон Кум (John Coombe, 1895-1967, на портрете слева) был назначен командиром бригады. Ранее он командовал 11-м

Гусарским Полком, известным под кличкой *Сборщики Вишен/Cherry Pickers*, - оснащенным броневедомолями полком, исключительно успешным и хорошо проявившим себя в пустыне, и был выдающимся солдатом. Это был богатый человек, который после войны разводил первоклассных скаковых лошадей и владел ими. Но он не был мотом, в полевых условиях всегда носил армейские башмаки, а его макинтошем всегда была армейская накидка от химзащитного костюма. Эта накидка была в самый раз осенью 1944 года. В дни перед событиями под Монте Чекко было прохладно, а вечером полило, и нас хорошо вымочило. Сильные дожди, с перерывами, продолжались следующие три месяца, в связи с чем местные потом говорили, что это была самая сырая осень на их памяти...

2-я Танковая Бригада была подчинена 46-й Пехотной Дивизии. План кампании на последний период войны заключался в продвижении по шоссе *Via Emilia*, протягивающемуся, как стрела, вдоль северо-восточной окраины Апеннин от Римини до

Болоньи – города, на который американская 5-я Армия наступала через горы севернее Флоренции. Ось наступления 46-й Дивизии пролегла через предгорья, состоявшие из ограниченных крутыми склонами отрогов гор, разделенных через каждые несколько миль реками, вспухшими от непрерывных проливных дождей. Реки часто выходили из берегов, заливая окрестные поля и делая их непроходимыми для танков. Для танков эта территория была далека от идеала...

Обычной тактической процедурой на каждой реке было следующее: пехота ночью переправлялась и закреплялась на плацдарме на противоположном берегу, затем танковый полк или эскадрон форсировал реку сразу после того, как был наведен мост, чтобы защитить пехоту от неминуемой контратаки противника. В одном из таких эпизодов Эскадрон А занял оборонительную позицию на безлесном склоне холма, на котором в сотне ярдов слева от меня располагалась ферма, окруженная плотной живой изгородью из кактусов. Это было посреди затишья – одной из тех необъяснимых пауз, когда молчит оружие и на поле боя опускается тишина. Неожиданно из-за ограды донеслось отчаянное кудахтанье, и через мгновение ищущая спасения курица прорвалась через ограду, преследуемая гуркхом, размахивающим своим ножом *кукри*. Погоня завершилась через несколько ярдов, когда после одного взмаха ножа курица лишилась головы. Гуркх наклонился, подобрал обезглавленную птицу, засунул ее подмышку и исчез за оградой. Вскоре пушки вновь открыли стрельбу, и бой возобновился...

Эскадрон А постоянно выдвигался на передовую, потом отходил, и я, будучи заместителем командира, всегда был рядом с Джекки Хармэном. Поскольку местность, по которой мы продвигались, часто была заболоченной, мы были вынуждены оставаться на дорогах и останавливаться у ферм, где все было забито машинами из разных воинских частей...

Дивизионные разведсводки приходили к нам регулярно. Помимо последних рапортов о перемещениях противника и потерях они иногда включали выдержки из писем, найденных у военнопленных. При чтении некоторых из них создавалось ощущение, что немецкий солдат – это одомашненное животное. В одном из них, написанном пехотинцем, который не успел его отправить, были следующие слова: «Когда мы покинули этот дом, чтобы продолжить отступление, мы не забыли оставить нашу коричневую визитную карточку в посудном шкафу.»

Последним сражением 1944 года для Эскадрона А и последним сражением для 8-й Армии в той осенней кампании были бои на реке Ламоне/Lamone, протекавшей через восточные окраины города Фаенца/Faenza. К тому моменту мы уже продвинулись на 40 миль к северо-западу от Римини и оставили позади города Чезена/Cesena и Форли/Forlì. Слева от нас, на левобережье Ламоне, до высоты 1 200 футов поднимались крутые склоны холмов до высоты 1 200 футов – там были наиболее сильные оборонительные позиции противника со времени боев под Монте Чеко. *Линкольнцы* (Линкольнширский Полк/Lincolnshire Regiment) из 138-й Бригады были одной из частей, которые поднялись на эти высоты, после этого они повернули вправо. Напротив располагалась низменная равнина, открывающаяся в направлении Фаенцы. Мы – четыре взвода Эскадрона А – должны были поддержать их дальнейшее продвижение. Джекки Хармэн и я на двух наших штабных танках сумели подняться на эти высоты по круто забирающейся вверх узкой дороге, идущей через густой лес. Там мы оказались под уступом, непосредственно под верхней бровкой склона, где заняли позицию за двухэтажным домом, в котором, как оказалось, жил зубной врач из Фаенцы. По счастью, он и его семья в тот момент отсутствовали, наверное, они находились в другом доме, в городе. Вражеский снаряд пробил стену дома где-то над верхней частью лестницы и вылетел через другую дыру в стене над парадным входом. Он прошел всего в нескольких дюймах от шкафа со стеклянными дверцами, в котором находилась коллекция фарфоровых фигурок...

Атака через реку Ламоне началась вечером 3 декабря и продолжалась без особого результата четыре дня, пока *линкольнцы* пытались продвинуться по дороге к перекрестку, расположенному в двух милях от Фаенцы. Их поддерживали взводы Эскадрона А под командой лейтенантов Леветта (Levett) и Манро (Munro). Танкисты оказались полностью изолированными от пехоты. Сильные ночные дожди сделали продвижение вне дорог невозможным, да и по самим дорогам перемещаться было трудно из-за мин и воронок. Нахождение в танках в ночное время тоже было небезопасным, так как неподалеку бродили немецкие патрули. Вооруженные базаками солдаты противника пытались подстеречь танки, и один из таких был застрелен всего в шести ярдах от машины Колина Манро. Людям приходилось спать в крайней тесноте внутри машин, по очереди заступая в караул.

Немцы перебросили в этот сектор фронта 508-й Батальон Тяжелых Танков и 90-ю Панцергренадерскую Дивизию для усиления обороны Фаенцы и контратак. В составе этого батальона было несколько *Тигров*, а панцергренадерская дивизия была наследником знаменитой 90-й Дивизии Легкой Пехоты, входившей в [Африканский Корпус](#).

На рассвете 8 декабря на передовые позиции 46-й Дивизии обрушился сильный артиллерийский огонь, за чем последовала атака пехоты. Немцы быстро смяли позиции одной из передовых рот *линкольнцев*, а танки взвода Колина Манро были подбиты, хотя успели оказать врагу упорное сопротивление. В штабе эскадрона мы торопливо свернули лагерь, завели моторы и изготовились к тому, чтобы выдвинуться вперед и занять оборонительную позицию на гряде за домом зубного врача. Тем временем расположенный неподалеку штаб *линкольнцев* охватила паника. Когда Джекки и я забирались в свои машины, полковник Белл (Bell), комполка *линкольнцев*, появился поблизости, уверенный в том, что мы собираемся покинуть его в беде. «Вы бросаете нас,»

- заорал он тоном, в котором страх и упрек смешались в равной пропорции. Мы уверили его в том, что наши намерения были как раз противоположными. Через несколько минут мы были уже на позиции, с которой перед нами открывалась обширная открытая местность с полосами деревьев слева и справа. Если бы немцы попытались атаковать по чистому полю, у нас была бы идеальная возможность хорошо пострелять по ним, но, если бы они пошли вперед через рощи, у нас были бы большие проблемы. Не случилось ни того, ни другого. Огонь наших батарей вскоре заставил замолчать немецкую артиллерию и нанес тяжелые потери их пехоте. К полудню наступательный пыл немцев иссяк. В ходе боестолкновений, имевших место на другой день, капитан Джон Брант (John Brunt, 1922-1944, на фото слева) из Полка Шервудских Лесных Бойцов/Sherwood Foresters, часть которого была подчинена *линкольнцам*, заслужил *Крест Виктории* за героизм, проявленный в оборонительном бою. Однако ему так и не довелось узнать об этом: на следующее утро, 10 декабря, он был убит за завтраком осколком мины...

После того, как контратаки противника были отбиты, 46-ю Дивизию, находившуюся шесть дней в непрерывных боях, сменили новозеландцы. Нашему Эскадрону А на смену пришел Эскадрон С – его танкисты сменили экипажи семнадцати машин, находившихся на позиции, поскольку перемещение танков на передовую по раскисшему грунту было невозможным. Экипажи наших штабных танков по крутой скользкой тропе спустились с гряды в долину на своих двоих, где нас встретили транспортеры. На них, как только начало светать, мы переехали по мосту через реку Ламоне, - на восточном берегу нас ждали грузовики нашего полка. В ту ночь случился первый заморозок, и мы здорово подмерзли без шинелей. Грузовики отвезли нас на зимние квартиры нашего полка – в комфортабельные дома близ Пезаро, откуда наступление на *Готскую Линию* начиналось три месяца назад.

Колин Манро вместе со своей командой уцелел в том оборонительном бою, когда был подбит его танк. По окончании боев он был награжден *Военным Крестом* за проявленную храбрость.

Зима 1944-1945 годов в северной Италии была холодной. Мы поддерживали настроение джином, производимым на фабрике в Бари, и восхитительным мягким вермутом с фабрики в Форли. Дороги обмерзали на целые недели, и ездить по ним было можно. Когда же в начале февраля наступила оттепель, их интенсивное использование большим количеством транспортных средств размолотило твердое покрытие, и без того ослабленное артиллерийскими снарядами. Дороги превратились в трясину, в которой грузовики тонули и вязли. Дорожные условия стали такими, что смену войск на передовой нередко приходилось отменять, так как машины, включая танки, просто застревали на них. Транспортировка [людей и грузов] стала возможной только после того, как тепло ранней весны подсушило дороги.

Мы оставались в своих комфортных квартирах близ Пезаро не всю зиму. В середине января нас отправили на передовую, чтобы мы заняли позиции на превращенных в укрепленные позиции фермерских постройках и сменили на них пехотинцев, которых отводили в тыл для боевой подготовки к весеннему наступлению. Штаб Эскадрона А и каждый из его четырех взводов занял отдельное здание, защищенное минным полем и проволочным ограждением. Дом, который занял штаб, находился в 600 ярдах от противопаводковой дамбы реки Сенио/Senio, достигавшей в высоту 20 футов. По этой реке от Фаенцы до лагуны Комаккьо/Comacchio у Адриатического побережья проходила линия фронта. Дни проходили в работах по улучшению оборонительных позиций, а ночи в регулярных выходах в караул на случай немецкого рейда, который так ни разу и не случился. Главным врагом стала скука. В штабном здании долгое сидение скрашивало присутствие Джона Триммера (John Trimmer), офицера-штабиста, временно прикомандированного к нашему полку. Триммер на гражданке был солиситором и рассказал нам о множестве потрясающе анекдотичных случаев из своей профессиональной практики...

Наш полк не только сменил пехотинцев на *Линии Сенио*, но также отправил несколько танков на поддержку пехоты, удерживающей эту линию. Ситуация сильно напоминала то, что происходило на Западном фронте в годы ПМВ. Русло реки Сенио было не шире двадцати футов в ширину. Когда вода в нем поднималась весной и осенью из-за дождей и таяния снега в горах, ее удерживали дамбы. После возвращения в полк после двухнедельной вахты в качестве пехотинца я получил телефонный звонок от Роберта Кросби-Досона (Robert Crosbie-Dawson), в прошлом одного из наших эскадронных командиров, который теперь служил в штабе 8-й Армии. Ему поручили отправить на Мальту самолет, который должен был доставить спиртные напитки для буфета командующего армией Дика Макгрири (Richard McGreery, 1898-1967). Хочу ли я отправиться туда в качестве закупщика, спросил он, и, одновременно с этим, воспользоваться возможностью купить что-то для полка? Конечно, я охотно воспользовался таким шансом, быстро получил на это разрешение у своего старшего офицера и отправился в путь. Путешествие на Мальту прошло без особых событий. После того, как победа под Эль-Аламейном устранила угрозу вторжения на этот остров и избавила его от постоянных авианалетов, было сделано очень многое для того, чтобы расчистить улицы Валетты от щебня и обломков. На удивление большое число зданий стояло неповрежденными. Я расположился в *Британском клубе*, который, располагая очень небольшим числом членов, предоставлял те же удобства и комфорт, что и любой клуб в Лондоне: там были даже официанты в смокингах. На следующее утро после прибытия я приступил к систематическому объезду всех виноторговцев, которых было очень много, потому что еще в мирное время их бизнес процветал за счет снабжения Средиземноморского флота и гарнизона Мальты. В каждом из их офисов я встречался с

советом директоров и получал один и тот же ответ на мои запросы: у них не было свежих поступлений вин последние четыре года, и их погреба практически пусты, однако, поскольку вина необходимы их освободителю – командующему 8-й Армией, они организуют ящик вина из своих крайне малых запасов, и, при этом, оплата не потребуется. Таким образом, я скопил девять ящиков, шесть из которых отложил для буфета командующего армией, а три – для своего полка.

На третье утро я взял грузовик для того, чтобы добраться до аэродрома со своими покупками, и обнаружил, что самолет, который выделили для моей отправки в Римини, был итальянским *Савойя-Маркетти/Savoia-Marchetti* – древним двухмоторным аэропланом, фюзеляж которого выглядел так, словно его собрали из кусков [хижин Ниссена/Nissen huts](#). Обычно его использовали для сброса грузов югославским партизанам, и его внутренняя часть за пределами кабины пилота была абсолютно пустой и предназначалась для заполнения различными грузами. Пассажирского сидения не было, и все 600 миль пути мне предстояло сидеть на одном из ящиков с вином. День был ветреным и не выглядел многообещающим в смысле безопасности полета, особенно когда я увидел на земле у самолета пилота – молчаливого, но жизнерадостного англичанина, который держал в одной руке карту Италии, вырванную из школьного атласа, а другой измерял по ней азимут нашего полета с помощью транспортира. Едва ли это представляло собой высокотехнологичную навигационную процедуру, особенно с учетом того, что, по меньшей мере, одна треть нашего маршрута пролегла над осевой частью хребта с пиками, поднимающимися до 10 000 футов... Как только пилот закончил свои измерения, мы поднялись в воздух. Небо над Сицилией и Тирренским морем было ясным, но стоило нам добраться до континентальной Италии, как мы вошли в плотные облака, которые полностью скрыли от нас землю. Пока мы оставались в воздухе, все было безопасно, потому что мы летели на большой высоте, над горами, но откуда мог пилот узнать, когда идти на снижение, если облачность останется сплошной? Мы летели дальше и дальше несколько часов, пока наконец в облачности не появился крошечный просвет и мы не увидели, по-видимому, Адриатическое море в тысячах футов под нами. Мы уже пролетели над горами, и пилот, не теряя ни мгновения, бросил самолет в крутое пике сквозь эту дыру. Внутри самолета царил хаос. Ящики с вином резко сорвались с места и заскользили по полу, собравшись в кучу у задней стенки кабины пилота, но, по счастью, ни одной бутылки не разбилось. Я был словно в агонии, мне казалось, что моя голова сейчас просто сомнется. Я беспомощно лежал на полу, зажав уши обеими руками и рыдая от боли. В итоге самолет выровнялся в нескольких сотнях футов над землей, пилот повернул влево, и мы полетели над побережьем к нашей цели, которая, по случаю, оказалась неподалеку. Прошло несколько дней, прежде чем боль в моих ушах исчезла. Но люди в штабе Армии и в штабе полка были довольны тем, что я привез, и хвалили меня. Они не знали, насколько им повезло получить хотя бы что-то...

Суровая зима 1944-1945 годов сменилась ранней, теплой и сухой весной. Уже вскоре на деревьях появились листья. Откуда-то чудесным образом появились биты и мячи, и мы несколько дней, казалось, готовились к крикетному сезону, но этот спортивный антракт не продлился долго. Через несколько дней мы уже были на марше, чтобы принять участие в [наступлении, которое должно было завершить войну в Италии](#). Первой важной целью был Арджентский горный проход/Argenta Gap – плоская полоса земли с виноградниками и садами, рассеченная во всех направлениях ирригационными и дренажными каналами, протягивающимися от реки Рено/Reno к лагуне Комаккьо. Город Арджента находился в центре этой местности. За Арджентой находилась река По, которая могла стать для нас крупнейшей водной преградой на территории Италии, если у немцев окажутся воля и силы, чтобы эффективно оборонять ее.

Я оставался замкомандира Эскадрона А под началом Джекки Хармэна, и экипаж моего *Шермана* оставался все таким же уже много месяцев: это были механик-водитель Нед

Лорд (Ned Lord), наводчик Эдди Пэриш (Eddie Parish) и танкист Мэйдмент (Maidment). Вечером одного из первых дней сражения, когда мы были готовы двинуться вперед, чтобы поддержать пехоту, Мэйдмент и я стояли в башне танка с плечами и головами над люком. В этот момент на местоположение эскадрона обрушился залп немецких минометов. Танки окутал густой черный дым, по их бокам застучали осколки мин и камни. Когда дым рассеялся, я оглянулся и не увидел Мэйдмента. Я не мог понять, куда, черт возьми, он подевался: может, его разнесло в клочья или, может, выбросило из танка взрывной волной? Наконец я нашел его в сумраке внутреннего пространства танка: он стоял на четвереньках на полу. «Что вы там делаете, Мэйдмент?» – спросил я. – «Я уронил карандаш, сэр» - ответил танкист.

Мы поддерживали 38-ю (Ирландскую) Бригаду 78-й Дивизии и 11-ю Бригаду той же дивизии в восточной части сектора наступления через Арджентский проход. В Британской армии не было лучше пехотной части, чем [Ирландская Бригада](#). Ирландцы считали целью сражения не только избиение немцев, но и отбор у пленных *трофеев*. После одного боя, в котором мы оказывали поддержку *Королевским Ирландским Фузильерам/Royal Irish Fusiliers*, находившимся под командой полковника Мёрфи Палмера (Murphy Palmer), ирландский акцент которого был неподражаем, они просто положили на землю кусок брезента и вывалили на него всю свою добычу: большей частью, часы, но также зажигалки и прочие серебряные побрякушки. Как эта добыча была поделена между ними, осталось для меня загадкой.

То, как сражалась 56-я (Лондонская) Дивизия, стало откровением. К концу осенних боев они выглядели измотанными и потерявшими боевой дух. Казалось, несколько месяцев боевой подготовки и прибытие пополнений вдохнули в них жизнь.

В один из дней, когда штаб эскадрона расположился в фермерском доме на краю обширного травянистого луга, через него промаршировал батальон 11-й Бригады, чтобы продолжить наступление. Я заметил, что люди шли вперед целеустремленно, - этого раньше у них не было. Когда вечером того дня наступила темнота, из одного из окон верхнего этажа фермерского дома выпрыгнул немецкий солдат и побежал по лугу в направлении немецкой передовой. Мы так и не успели ничего сделать. Он прятался там весь день, а у нас так и не было случая подняться наверх. Он заслужил то, что ему удалось удрать.

В тот же вечер я получил известия из полкового штаба: меня отправляли в отпуск в Англию, и я немедленно отправился в путешествие на самый юг *Итальянского Сапожка*, чтобы сесть на корабль, отправляющийся из Неаполя. Мы были где-то посреди Бискайского залива, когда пришло сообщение о том, что Германия капитулировала и война в Европе закончилась. Моя карьера боевого офицера подошла к концу.

Я должен сказать, что губительный синдром осени 1944 года был характерен для людей не только 56-й Пехотной Дивизии. Он также охватил и 46-ю Дивизию. Командир одного из ее взводов, вместе с которым мы действовали, признался нам, что он считал удачей, если после атаки, когда, несмотря ни на что, цель была достигнута, с ним было с полдюжины его людей. Другие подходили потом, по двое или трое... Постоянные дожди и повторяющиеся из раза в раз бои на речных рубежах свели боевой дух пехотинца к минимуму. Боевому настрою не помогало и то, что, когда солдат покидал свой полк из-за ранения, болезни или по другой причине, он терял всякую связь со своей частью и превращался просто в резервную единицу, теряя *корпоративный дух*, гордость за свой полк и чувство локтя по отношению к товарищам. Как-то раз на марше к передовой мы остановились в фермерской постройке и нашли в подвале солдата с нашивкой Линкольнширского Полка. Мы передали его *Военной Полиции*. Через три дня, остановившись на обочине дороги, мы увидели колонну *линкольнцев*, марширующих к линии фронта, и разглядели среди них нашего дезертира!

Ирландцы из 38-й Бригады были другими. Они отслеживали местонахождение любого из своих, кто оказывался раненым или больным, и делали все возможное, чтобы он вернулся в свой полковой дом после поправки. Это был один из секретов их высокого боевого духа.

Восстановление боевого настроения у солдат 8-й Армии [к весне 1945-го] было заслугой Дика Макгрири, который сменил Лиза на посту командующего в октябре 1944-го. Его заботливое отношение к пехотинцам и использование танкистов для смены пехоты на передовой в зимний период помогли ему укрепить боевой дух Армии и восстановить у людей решимость в достижении цели. Заботясь о благополучии своих солдат разными способами, включавшими в себя предоставление им домашних отпусков, он избавился от проблемы дезертирства, которая приводила командование в отчаяние в конце 1944-го. Он также внушил людям уверенность в своих силах, чувство того, что они смогут сделать последний рывок, который приведет к осязаемому результату - поражению германских армий и достижению мира.

Питер Уиллетт на склоне лет

Эпилог

Питер Уиллетт после войны сделал успешную карьеру в бизнесе, связанном конными скачками. Он также приобрел известность как спортивный репортер и комментатор.

Peter Willett. Armoured Horseman. With the Bays and Eighth Army in North Africa and Italy. 2015

Сокращенный перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org